

Гарфинкелем). Атомизм и индивидуализм натуралистской модели преодолеваются в модели Парсонса ценой столкновения с не менее болезненными проблемами, возникающими при описании поведения людей как конформистского “следования правилам” (об этих проблемах мы будем говорить подробнее при обсуждении интерпретативного подхода).

В сущности, модель, предложенная Парсонсом, как и модель Гемпеля, не дает никаких гарантий соответствия между научным описанием действия, данным социологом, и семантическим описанием с точки зрения действующего. Здесь также остается неразрешенной проблема объективного критерия приписывания интенциональных состояний (см. тему “Позитивизм и дедуктивно-номологическая модель объяснения”, с.32): либо нормы рациональности остаются необязательными с точки зрения “внутренней перспективы” действующего, либо они могут быть сведены к прямому причинному воздействию господствующей нормативной системы и, следовательно, понятие “рационального выбора” утрачивает всякое самостоятельное значение.

IV Интерпретативный подход

Тема 9: От антинатурализма к интерпретативной программе: П. Уинч об объяснительных возможностях “правил” в социальных науках

²⁴ Четвертой системой действия является *биологический организм*, представляющий собой самый низкий уровень в иерархии контроля.

В первой части курса (см.: “Введение”) мы уже обсуждали некоторые исторические обстоятельства и концептуальные различия, сыгравшие роковую роль в “эпистемологической схизме”, т.е. в том непримиримом противостоянии натуралистской (позитивистской) и герменевтической доктрин, которое к концу XIX века приняло форму “Диспута о Методе”, породившего, к тому же, некоторое количество “поддиспутов”.

Однако современные интерпретативные подходы в методологии социальных наук весьма далеко ушли от своих номинальных первоисточников. Используемые в них модели объяснения лишь очень опосредованно связаны с идеями дильтеевской герменевтики, “исторической школы” или неокантианства. Куда большую роль в становлении этих подходов сыграли, в частности, веберовская теория рационального действия, модели и методы этнографического исследования (преимущественно, британская традиция культурной антропологии), феноменология, символический интеракционизм, а также очень своеобразная интерпретация лингвистического бихевиоризма Л.Витгенштейна применительно к философии социальных наук, предложенная П.Уинчем.

Отличаясь многообразием “интеллектуальных корней”, интерпретативная традиция все же сохраняет некоторое фундаментальное единство, позволяющее рассматривать ее как исследовательскую программу в широком смысле.

Во-первых, сторонники этой исследовательской программы отрицают тезис “единства метода”.

Во-вторых, они полагают, что в социальных и гуманитарных науках следует использовать особый тип объяснения, отличающийся от объяснения в естественных науках, так как социальное и гуманитарное знание описывает уникальный объект -

людей, обладающих сознанием и наделяющих свои поступки *смыслом* (или *значением*), что, по всей видимости, нехарактерно для физических объектов и событий.

В-третьих, предполагается, что для исследования осмысленного произвольного поведения сознательных человеческих существ должен применяться особый, *понимающий* метод. В некоторых трактовках (герменевтика) этот метод основан на *семантическом объяснении*, в других - на *интерпретации*, объединяющей семантическое объяснение с научным (см.: Сс.14-19).

Натуралистские и функционалистские модели (Гемпель, Парсонс) столкнулись с проблемой неадекватности рационалистских объяснений действия, в которых одновременно: а) в объяснении использовались *общие законы*; б) желания и убеждения (мотивы) действующего рассматривались как *причины* поступков.

Стремление дать искомое объяснение на иных основаниях, в рамках другой логики исследования играло важную роль в развитии интерпретативного подхода. Идея смысловой нагруженности социального действия всегда относилась к устойчивому “концептуальному ядру” понимающей социологии. Но в вопросе о *методе*, с помощью которого ученый может проникнуть в смысл поступков других людей - особенно, принадлежащих к иной культуре, эпохе или социальному слою,- существовали (и продолжают существовать) различные точки зрения. Классические ответы - эмпатическое понимание, *verstehen*, - воспринимались все более критически.

Попытка построить не-натуралистскую модель объяснения действия, основанную на понятиях “*правила*” и “*следования правилу*”, была предпринята П.Уинчем в книге “Идея социальной науки” (1958).

Уинч использует в качестве фундамента своих рассуждений определенную трактовку взглядов Л.Витгенштейна на природу языкового значения (“языковая игра” - это всегда игра, по меньшей мере, двоих, а критерии применимости слова в определенной

ситуации носят принципиально *публичный* характер), а также изложенную в “Философских исследованиях” критику концепции “*приватного*” (*индивидуального*) языка. Витгенштейн обосновывает “грамматическую” сводимость любых описаний душевной жизни к публичным, “ориентированным-на-других” ситуациям их использования, а также социальный характер критериев применимости соответствующих высказываний²⁵. Правила (в том числе, правила употребления слов) здесь по определению являются *разделяемыми*, используемыми совместно с другими людьми.

Исходя из этого круга идей, Уинч строит свое “понятие социального” как *носящего публичный характер следования правилам*. Согласно Уинчу, действие является социальным лишь в той мере, в которой оно определяется правилами и происходит внутри какой-либо “языковой игры”. Публичный, социальный и опосредованный языком характер действия гарантирует его осмысленность и *интеллигибельность* с точки зрения всех агентов, включенных в ту же самую “форму жизни”. Основываясь на ключевой роли правил и языковых значений в том, “что мы подразумеваем под человеческим обществом”, Уинч пытается доказать, что из этого следует *логическая несовместимость* целей и методов объяснения в социальных науках с *причинными обобщениями и законами*, на которых строится естественнонаучное объяснение.

Соотнесение с правилом позволяет, по Уинчу, установить смысл действия, либо обнаружить смысловую эквивалентность двух физически различных поступков (т.е. правило выступает как *критерий идентификации* действия). Вслед за Витгенштейном, он определяет “следование правилу” в терминах самого действия, а не знания правил или стремления им следовать (что для Витгенштейна служило доказательством сугубо

²⁵ Л. Витгенштейн. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы (Часть 1). М.: Гнозис. 1994. См., в частности, §§ 197-202, 243-309.

прагматической и ограниченной возможностями языка природы самих правил²⁶): “Проверка того, являются ли действия личности применениями правила, основана не на том, может ли личность сформулировать это правило, а на возможности провести имеющее смысл различие между правильным и неправильным способами действия”²⁷. При таком определении любое субъективно осмысленное поведение оказывается следующим правилу (т.е. отношение между правилами и действиями рассматривается как *конститутивное*).

Причинные связи, по мнению Уинча, не могут играть какую-либо роль в объяснении поведения, так как всякая причина - не исключая субъективные основания, “резоны” действующего, - находится во внешнем отношении к объясняемому действию, не имеющем ничего общего с логически необходимой, внутренней связью между правилом и действием. Внутренняя связь мотива (желания), правила и действия может быть описана обобщенной моделью “следования правилу”:

“Если вы хотите Y и убеждены, что X - это средство добиться Y, сделайте X” .

Критики Уинча неоднократно указывали на то, что такая логическая связь между мотивом, правилом и действием является простой тавтологией, особенностью описания всякого интеллигибельного действия в языке (аргумент “Логической связи”, см. также критику интенционалистских моделей Скиннером, с.37)²⁸. Многие отмечали, что предлагаемый Уинчем подход делает неразрешимой задачу различения следования правилам и отклонения от правил: любой практический поступок можно представить

²⁶ См.: Там же, сс.162-163.

²⁷ Winch, Peter. The Idea of a Social Science. London: Routledge & Kegan, 1962. P58.

²⁸ Аргумент “Логической связи” можно сформулировать следующим образом: убеждения и желания действующего не могут быть *причинами* действий, так как являются частью *определения* действия (его “другим описанием”). Логическая связь “по определению” несовместима с причинной связью. Причинная связь двух событий основана на *случайном* (*не необходимым*) характере их следования: доказывая, что А - причина В, мы исходим из того, что вполне можно представить ситуацию, когда А не влечет за собой В, и такое представление не приведет к логическому противоречию. Несколько смягченная

как следование правилу, описывающему этот поступок, либо как отклонение от какого-то другого правила (Ср. у Витгенштейна: “...ни один образ действия не мог бы определяться в соответствии с каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом”). *Неопределенность правил*, принимаемая Уинчем в качестве методологического принципа (правило не указывает на конкретный исход действия, а лишь ограничивает возможные альтернативы), ведет к тому, что основанные на правилах объяснения сталкиваются с той же проблемой “слабой” детерминации, что и причинные теории: правило может применяться либо игнорироваться действующим, последний может использовать правило “с дальним умыслом”, имея в виду совершенно иные цели, или просто делать исключение из правила. Далее, относительно множества устойчивых практик кажется нелепым говорить о возможном правиле: что значит “ходить гулять по правилам” или “курить по правилам” (А.Макинтайр)? Еще менее обоснованной представляется позиция Уинча в вопросе о полезности и адекватности причинно-следственных объяснений в социальных и гуманитарных науках. Можно привести множество примеров адекватных (хотя не обязательно полных) причинных объяснений человеческих поступков. В частности, люди ищут работу, потому что потеряли прежнюю; супруги могут развестись по причине измены одного из партнеров (Дж.Бохман). Субъективные основания действия (в том числе, интересы) значительно лучше, чем правила объясняют такие виды поведения, как обман или манипулирование нормами. Люди нередко используют правила гибко, “стратегически”, договариваясь, **что** в данной ситуации выгодно считать правилом (стратегический интеракционизм Гофмана). Категория “следования правилам” важна для полного и адекватного объяснения. Однако она может работать лишь внутри более широкой модели, включающей внешнее

интерпретация аргумента “Логической связи” предполагает, что убеждения и желания *могли*

(с позиции наблюдателя) и внутреннее (с позиции участника) описание ситуации действия и его непредвиденных для участников последствий. Эта модель должна также учитывать объяснительные возможности “внешних” детерминант и субъективных убеждений, которыми руководствуются действующие.

Тема 10: Проблема интерпретации и “двойная герменевтика”. Пример: “густые” и “жидкие” описания в культурной антропологии.

Интерпретативный подход неоднократно подвергался острой критике, указывавшей на ограниченность и недостоверность используемых данных (т.е. субъективных интерпретаций “с точки зрения действующего”), а также на сведение научного объяснения к семантическому и, следственно, отсутствие нормативных критериев сравнения и оценки *различных* объяснений. Кроме того, классическая трактовка “операции под названием *verstehen*” подразумевала, что понимание смысла ситуации или действия “изнутри”, с точки зрения участников, требует соотнесения с историческим контекстом, неявными правилами, культурными кодами и символами и т.п., так что возможность понимания людей, принадлежащих к иной культуре либо действующих в чуждом контексте, становилась весьма сомнительной. Последнее затруднение в интерпретативной традиции анализировалось как проблема “герменевтического круга”, частными проявлениями которой являются проблемы невозможности понимания текста вне контекста, части вне целого и т.п.

Своеобразным решением перечисленных проблем стало формирование в 1960-1970-е годы радикальной *теории интерпретации* - междисциплинарной парадигмы,

бы быть причинами действия, если бы им можно было дать независимое определение.

стремившейся представить все формы человеческой деятельности как символические тексты, порождаемые внутри “мира значений”, вездесущего *культурного контекста*. Соответственно, культурологическая модель истолкования текста рассматривалась как единая методология гуманитарных наук. В философии социальных наук последовательная разработка “сильных версий” теории интерпретации осуществлялась Ч.Тейлором, Х.Дрейфусом, П.Рикером, Х.-Г. Гадамером и другими.

С точки зрения теории интерпретации, социальные науки могут использовать методологию интерпретации (истолкования) текста в той мере, в какой их объект обнаруживает существенные черты текста (Рикер). Объект интерпретации (текст или “аналог текста”) должен отвечать следующим условиям²⁹:

- он должен обладать смыслом и, следовательно, описываться в категориях ясности, согласованности, внятности, либо наоборот - запутанности, противоречивости и т.п.;
- этот смысл должен быть отличен от средств его выражения, т.е. данный набор средств выражения должен быть пригоден для передачи нескольких смыслов (например, поднятая рука может толковаться как выражение поддержки, знак остановиться и т.п.);
- должен существовать субъект (индивидуальный или коллективный агент), которому приписывается производство текста или “аналога текста”.

Из принципиальной *неопределенности интерпретации* (см. второе условие) следует возможность и даже желательность различных “*прочтений*” одного и того же текста, основанных на все более глубоком проникновении в последний. Всякая интерпретация неопределенна, зависит от целостного контекста (фона) взаимосвязанных убеждений, ценностей и практик, а также от позиции интерпретатора (универсальная герменевтика). При таком подходе возражения критиков относительно невозможности указать на нормативный критерий для выбора лучшей или более обоснованной

интерпретации наталкиваются на контраргумент: выбор лучшей интерпретации тоже является всего лишь интерпретацией, более того, *всякое знание* (в том числе, естественнонаучное) может рассматриваться как интерпретация.

Для подкрепления изложенной точки зрения нередко используются некоторые положения постэмпиристской философии науки (см.: "Введение"), в частности, тезис о невозможности "сырых" фактов и нейтрального языка описания, а также положение об относительном характере эмпирического подтверждения (отдельные гипотезы могут быть подтверждены или опровергнуты только относительно всего "фона" вспомогательных гипотез и теоретических предположений).

Критики теории интерпретации указывают на то, что любая интерпретация все же опирается на текст или квази-текст в качестве эмпирического доказательства обоснованности, а также на то, что теория интерпретации так или иначе допускает возможность более глубоких или более согласованных интерпретаций и, следовательно, просто оставляет нереализованной возможность формулировки критериев для сравнительной оценки различных "прочтений". Кроме того, предположение о тотальной зависимости деятельности от культурного или исторического контекста (*хололизм*) не означает, что в каждом конкретном случае действующий должен **знать** обо всех значениях, убеждениях и практиках, служащих фоном его поведения. Вопрос о конкретных элементах контекста, верованиях или обычаях, существенных для действующего (и тем более - для внешнего наблюдателя-исследователя) остается вопросом сугубо эмпирическим и не может решаться априорно. Иными словами, лозунг "Всё - лишь интерпретация" разрушает по преимуществу саму радикальную программу интерпретации, так как не позволяет принять предварительное условие, необходимое для участия в осмысленной (пусть и

²⁹ Taylor, Charles. Interpretation and the Sciences of Man // P.Rabinow and W.Sullivan (eds.).

несовершенной) научной практике - поиск и принятие каких-то нормативных критериев, позволяющих оценивать истинность или сравнительную обоснованность различных объяснений. В отсутствие каких-либо процедур для эмпирической проверки сравнительной обоснованности конкурирующих “прочтений” проблема выбора между ними и в науке, и в обыденной жизни решается на тех основаниях, которые обычно игнорируются интерпретативным подходом: выбор определяется *властью* и *интересами*, а обосновывается с помощью *риторики* или, как в литературной критике, ссылкой на *вкус*. (Вольтеровское определение истории как “согласованной выдумки” в этой ситуации может быть применено и к социальным наукам.)

Сильная версия теории интерпретации оказала весьма умеренное влияние на реальную исследовательскую практику в области социальных наук³⁰. Большинство социологов и культурных антропологов ориентировались на некий “веберианский” синтез интерпретации и причинного объяснения, тем более, что обе названные науки располагали довольно давней традицией включенного наблюдения и анализа “чужих” культур и субкультур (классическая этнография, символический интеракционизм Чикагской школы). Так в культурной антропологии, а затем и в социологии стала формироваться более “умеренная” модель интерпретации, сочетающая черты семантического (“глазами участника”) и научного (с позиции исследователя-наблюдателя) объяснений. Одним из популярных обозначений этой модели стало выражение “*двойная герменевтика*” (Э.Гидденс). “Двойная герменевтика” основывается и на *интерпретациях участников*, и на выдвигаемых исследователем *интерпретациях этих интерпретаций*. Так как события социального мира постоянно

Interpretive Social Sciences: A Reader. Berkeley: University of California Press, 1979. Pp.25-7.

³⁰ Примеры действительно влиятельных исследовательских направлений, ориентированных на “сильную” теорию интерпретации, не слишком многочисленны. Это, в первую очередь, конструкционистская “этнография науки” (С.Вулгар, Б.Латур и др.), доказывающая, что наука - тоже интерпретация, а также постмодернистская социология культуры, ориентированная на современные литературоведческие теории (Ж.Деррида).

наделяются смыслом усилиями самих участников указанных событий, социолог или антрополог не может игнорировать эти “народные” определения, разрабатывая собственную интерпретацию происходящего. С другой стороны, интерпретации участников обычно ретроспективны, избирательны, имеют тенденцию смешивать действия и намерения (см. выше критику интенционалистских объяснений с точки зрения аргумента “Логической связи”) и/или игнорировать существенные причинные связи. Иными словами, семантические объяснения участников должны быть опосредованы научными объяснениями.

Проблему непреднамеренных смещений в самоописаниях, этнографических данных и интерпретациях участников предлагается решать с помощью *множественной триангуляции*: стратегии сочетания различных методов, типов данных и моделей объяснения (Н.Дензин).

Модель интерпретации поведения, используемая в культурной антропологии, основана на сближении интерпретации (научное объяснение+семантическое объяснение) и описания. Мы уже отмечали относительный характер разграничения развернутых описаний и объяснений (см. “Введение”). При изучении отдаленной исторической эпохи или чуждой культуры интерпретация даже элементарных поступков или жестов становится проблематичной и крайне *неопределенной*. Исследователю трудно сделать какие-либо теоретические выводы, основываясь на лишенном деталей, “жидком” описании типа: “Ее лицевые мускулы асимметрично сократились”, или даже - “Она подмигнула ему” (Г.Райл). Значение действия должно быть предварительно выяснено посредством отсылок к господствующим нормам, культурному коду, реальным обстоятельствам взаимодействия. Иными словами, результатом этнографического или исторического исследования в идеале является не “просто теория”, а помещенное в более полный контекст (реконтекстуализированное) “*густое*” описание (К.Гиртц). В

той мере, в какой социолог заинтересован в исследовании уникальных событий или групп, он также нуждается в проясняющих суть происходящего “густых” описаниях.

Проблема соотнесения “обыденных теорий”, развиваемых участниками, с концептуальными построениями социолога - т.е. проблема соотнесения “внутренних” и “внешних” объяснений, - в описываемой модели решается прямым (и специально не обосновываемым) постулированием *дополнительности двух видов понятий*: “*близких-к-опыту*” и “*далеких-от-опыта*” (“**Любовь** - это близкое-к-опыту понятие; **привязанность либидо к объекту** - далекое-от-опыта”³¹).

“Умеренная” версия интерпретативной модели разделяет, однако, некоторые принципиальные недостатки “сильной” версии. В ней, во-первых, пессимистически трактуются последствия холизма, т.е. из зависимости знания от целостного контекста (фона) делается необоснованный вывод о зависимости от контекста истинности суждений (проблема *релятивизма*). В действительности целостный характер знания **обеспечивает** как проверяемость отдельных суждений, так и прагматическую эффективность фрагментов знания, “встроенных” в практику: даже законченный релятивист, не знающий устройства 32-разрядного процессора или грамматической системы родного языка, легко обучается использовать персональный компьютер и текстовый редактор для написания трактатов, разоблачающих “объективистские претензии” науки. Во-вторых, модель “двойной герменевтики” все еще допускает, что существуют принципиальные, зависящие от культуры, социального контекста и т.п., и, возможно, непреодолимые различия в нормах рационального действия, а также в оценке истинности убеждений и доказательств (которые можно сформулировать на данном языке, в данной культуре и т.д.). Иными словами, допускается, что иногда **в**

³¹ Geertz, Clifford. From the Native's Point of View: On the Nature of Anthropological Understanding// P.Rabinow, W.M.Sullivan (eds.) Interpretive Social Science: A Reader. Berkeley:University of California Press, 1979. P.227.

принципе нельзя понять, “что сказал туземец”. Однако описанная точка зрения предполагает, что существует некий “*неинтерпретированный опыт*”, по отношению к которому могут оцениваться различия в интерпретациях и концептуальных схемах. В идее “свободного от интерпретации” опыта легко распознать идею “теоретически нейтрального наблюдения”, всегда служившую мишенью для критики эмпиризма (Д.Дэйвидсон). Соответственно, критика модели “двойной герменевтики” часто строится на демонстрации того, что базовое единство норм рационального действия и истинность большей части высказываемых суждений являются **предварительными условиями** для возможности общения и, следовательно, для всякой интерпретации.

Тема 11: Этнометодология: исследование пределов “объяснимого”

Этнометодология - это своего рода “внутренняя оппозиция” в интерпретативной социологии. Если доминирующие подходы рассматривают интеллигибельный характер социального действия как данность, а *verstehen* - как метод исследования социального, то для этнометодологов и первое, и второе составляют собственно *предмет исследования*. Возможность понимания смысла взаимодействия и нормативная упорядоченность социальных ситуаций - это вновь и вновь воспроизводимые “достижения” участников, совместно пытающихся придать регулярный и предсказуемый характер множеству ненаправленных взаимодействий и коммуникаций. Эта совместная деятельность рефлексивного объяснения и основанного на таком объяснении проективного упорядочения взаимодействия носит, по выражению Г.Гарфинкеля, “умелый” и в высшей степени специализированный характер. Декларируемая цель этнометодологии - не объяснение или понимание действий людей

в разнообразных социальных ситуациях, а детальное “прослеживание” последовательности интеракций (вербальных и невербальных) и выявление тех методов (“этнометодов”), которые участники взаимодействия используют для придания смысла, регулярности и “правильного” характера всему происходящему. Такое “прослеживание” особенно удобно осуществлять в тех случаях, когда взаимодействие становится проблематичным, коммуникация постоянно нарушается, и - в силу случайных причин либо намеренного вмешательства наблюдателей, - “достижение” интеллигибельного и регулярного протекания разговора или совместной деятельности оказывается под угрозой.

С точки зрения Гарфинкеля, предпринятая Парсонсом попытка включить нормы в каузальное объяснение действия превращает людей в “рассудительных придурков”, пассивно воплощающих в жизнь господствующую нормативную систему (см.: “Функционализм”). В *этнометодологической модели объяснения* постулируется, что действующие рефлексивно используют свои обширные “запасы знаний” о ситуации и обстоятельствах взаимодействия, чтобы обеспечить возможность осмысленной интерпретации как собственных поступков, так и поступков других. Соответственно, социальный порядок, “социальная организованность повседневных практик” возникает лишь ситуативно, как результат описанных элементарных взаимодействий (и, возникнув, служит важным ресурсом для “народных” методов объяснения, придания смысла действиям и т.п.).

Отсюда следует, что нормы объективности, рациональности или фактичности полностью зависят от конкретного контекста, привязаны к той случайной ситуации, в которой их удалось “достичь” (они *индексичны*, как указательные местоимения, значение и грамматические признаки которых полностью определяются конкретным контекстом употребления). Даже в фиксированном контексте демонстрация

объективности или рациональности зависит от терпимости действующих к неопределенному и иррациональному: социальная жизнь возможна лишь потому, что люди готовы переносить неопределенность и делать вид, что все ясно в отсутствие всякой ясности (принцип “и так далее”). Как невозможна общая теория контекста (т.е. меняющихся конкретных обстоятельств), так невозможны и общая теория рационального действия, объективного суждения и т.п.

Этнометодология успешно справляется с проблемами интенциональности, соотношения норм и намерений и др., остающимися неразрешенными в других интерпретативных моделях. Причина заключается в том, что этнометодологи рассматривают эти проблемы как формальные свойства деятельности (а не отдельных действующих), как методы, используемые ситуативно, “оппортунистически”, ради достижения социальной организации. Впрочем, последняя сама является лишь совокупностью таких устойчивых методов.

Специальные эксперименты - ”провокации”, используемые этнометодологами (как и разработанные в этой же традиции процедуры детального анализа вербального взаимодействия, разговора) заставляют участников продемонстрировать множество специальных приемов сглаживания, нормализации “возмущений”, введения дополнительных предположений, которые позволяют при необходимости проинтерпретировать даже явно безумные поступки как осмысленные. (Так студент, попавший на прием к “консультанту по личным проблемам”, который на самом деле отвечает на все вопросы абсолютно случайной последовательностью “да” и “нет”, умудряется дать осмысленную интерпретацию явно нелепым советам.)

При этом этнометодолог не принимает никаких предположений относительно “определения ситуации” действующим и не стремится смотреть на происходящее “глазами участника”, сохраняя полную “этнометодологическую индифферентность”

(Х.Сакс). Его главная цель - сделать очевидными те *рефлексивные рамки*, использование которых позволяет участникам придать происходящему свойство “объяснимости”.

Критика этнометодологии подчеркивает, что последняя как раз и совершает попытку создания “общей теории контекста”, требуя привязки каждого теоретического описания к уникальным и случайным чертам конкретной наблюдаемой ситуации, тогда как и участники, и этнометодологи имеют довольно общее представление о том, чего надлежит “достичь” - правильности, объяснимости и т.п. (Ср. с критикой абсолютизации понятия “правила” в модели Уинча.) Этнометодологический императив “полного описания ситуации” демонстрирует несколько наивную веру в возможности действующих, которым в большинстве случаев едва ли удастся достичь тотальной “объяснимости”. Большая часть последствий межличностного или межгруппового взаимодействия оказывается непредвиденной и непредсказуемой для его участников. Кроме того, этнометодологи игнорируют возможность существования иных, не связанных со “смыслопорождением”, особенностей ситуации и, следовательно, других факторов (скажем, классовых интересов или статусных различий), объясняющих происходящее (Дж.Бохман).